

ОТЧИЗНА!

Н. ЗАБОЛОТНЕВА

Отчизна моя! Без конца и края,
Сильная, смелая, молодая,
Впитавшая соки трех революций,
Из всех путей избравшая лучший.

Сметая злые бураны истории,
Отчизна мужала, творила, строила!
В огне мартенов, лихорадке буден
Упрямо ковались новые люди.

Отчизна моя! Уверенной поступью
Шагнула стремительно к звездным россыпям,

Летела космическим бездорожьем,
Силу и знания на труд умножив.

Морями нефти, пудами хлеба
И самым мирным безъядерным небом,
Дворцами, заводами, шлюзами, школами,
Цвела садами и новоселами.

Велик размах твоих дел, Отчизна,
Вовек не померкнут твоим годам.
Да будь у меня сто тысяч жизней,
Я все их до капли тебе отдам.

Т. ЦАРЕНКО

Г. ВАСИЛЬЕВ

Счастье

За окном осенний ветер плещется,
Обрывает с яблоньки наряд,
То ли кто стучит,
То ль мерещится
Мне со сна который раз подряд.
Вновь стучит, и я
простолюбая
(В темноте косынку не нашла),
Чуть пригладив
взбившиеся косы,
К двери осторожно
«Кто?» — мой голос вздрогнул
и растаял.
Жду ответ, дыханье затая,
Может, ветер встать меня
заставил
И шепнул чуть слышно:
«Это я?»
И, сама себе не смея верить,
Я стою, боюсь даже вздохнуть.
Счастье рядом, вот
за этой дверью,
Стоит мне лишь
руку протянуть.

В суете ежедневных дел
Называют меня непокорным.
Было лучше бы, если б потел
И кричал, что я занят по горло.
Человеку на жизнь не дано
Все понять и во всем
разобраться.
А я мучаюсь все равно
И иду напролом целоваться
С неизвестностью, тайной,
тобой.
Потому и слышу непокорным,
Непрерывно идущим на бой,
Не кричу, что я занят по
горло.
Только занятости — гора.
И ее обойти не мыслю.
Я — как дерево, и кора
Лоскутами больными повисла.
А за мной, за моей спиной
Молодая бушует поросль
Зеленеющей милой стеной,
Проживаем здесь рядом —
не порознь.
Воплощаются мысли, дела
В неизбежное это буйство.
И ты знаешь, что ты дала
И возвышенность эту и
чувство.

Она смотрела ему вслед
немным взглядом, сдавленным
изнутри трудной болью.
Смотрела долго и не мигая.
У нее еще не отгорела
огненная карь глаз, но по лбу
уже пробежала первая морщинка.

У трапа в самолет Склядне-
нев остановился, вероятно,
хотел оглянуться, но не
смог. Неуверенной рукой он
показал дежурной билет,
весь как-то сник, ссутулил-
ся, еле заволоч ноги в са-
молет. Но она этого уже
не видела, пассажиры скры-
ли Виктора от ее глаз, и
только немного еще горел
его шарф.

ЕЕ ПЕРВОЕ ПИСЬМО

«...Твой мир замкнулся на
вине, работе и болезни на
стадионе. Да и на работе
дела у тебя были не очень-
то хороши — ни премий,
ни тринадцатой зарплаты
ты не получал. Тебя выру-
чали только золотые руки.
Из-за этого проклятушего
вина согласие покинуло наш
дом. Хоть уезжай из города.
Но от самого себя не убе-
жишь. И все-таки ты захо-
тел это сделать. Смотри,
выбирай жизнь сам. Самое
лучшее лекарство от вина

Прозаики сегодня-
шней странички «Се-
верного огонька» —
уже знакомый читате-
лю Александр Соков-
нин и Абзал Гумеров.
Он живет в Покуре,
работает художествен-
ным руководителем
в Доме культуры.

в самом тебе. Увижу ли я
в тебе прежнего Виктора?..»
С тех пор прошел год.

**СООБЩЕНИЕ В ОДНОЙ
ИЗ СЕВЕРНЫХ ГАЗЕТ**
«На Сургутской ГРЭС
готовят к вводу в строй
пуско-резервную ТЭЦ. В

А. СОКОВНИН

Невыдуманная история

главном здании бригада
штукатуров Виктора Скляд-
нева — лучшая на уча-
стке».

Прошел месяц.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ОБ-
ЩЕСТВЕННОГО ОБВИ-
ТЕЛЯ ТОВАРИЩЕСКОГО
СУДА СТРОЯЩЕЙСЯ
СУРГУТСКОЙ ГРЭС**

«...За избивание в рабочее
время бригадиром Склядне-
вым штукатура - каменщика
Кузнецова ходатайствовать
перед администрацией о
снятии Скляднева с брига-
диров с последующим пе-
реводом на нижеоплачивае-
мую работу сроком на три
месяца».

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СУДЕ ШТУКАТУРА ИОНИНА

«Я человек прямой, и хо-
чу сказать, что Скляднев му-
жик что надо. Год я у него
в бригаде и знаю, что о ра-
ботах всегда позаботится.
И бытовка у нас теплая, и
раствор ко времени вырвет.
Зимой сургутские дни ко-
роткие, а летом длинные. Я
это к чему? Скляднев, он
ведь уже месяц как не ви-
дит и этих коротких дней.
И всегда трезв. А за Куз-
нецова мы постоянно вка-
льваем. Пьяный — какой
же он работник? Вот брига-
дир и закрыл ему тариф.
В ответ Кузнецов полез
драться. А бригадир в дан-
ном случае оказался мно-
готиражным дураком — дал
ему по шее. Ненавидит он
пьяниц. А Кузнецов сразу
в товарищеский суд. Куз-
нецова надо судить, а не
Скляднева».

ОТ АВТОРА

На днях я снова встретил
Виктора Скляднева. Он
ждал автобус, притопывая
унтами скрипящий снег. Бы-
ло минус сорок. На кореш-
ке одной из книг, что бол-
тались у Скляднева в авось-
ке, я прочел: «Высшая ма-
тематика».

На днях редактор дал мне
задание съездить в Чер-
ный Бор и написать очерк о
знаменитом охотнике Иване
Морозове. Я выехал в Черный
Бор в субботу утром, а к
обеду уже нашел дом старого
охотника. Хозяина я застал в

подумал я про себя, ну что
поделаешь — срочное зада-
ние. Я выехал в тот же день.
Когда я подъехал к коттеджу
Морозова, старый егерь в са-
ду зондировал колодец. По-
знакомились. «Значит, вы
пресса? Прошу в мои апар-

А. ГУМЕРОВ

ЮМОРЕСКА

Как писать современным языком

саду, он проверял воду в ко-
лодце. Познакомились. Иван
Михайлович пригласил меня
в дом и познакомил с женой
и внучкой. Пока хозяйка ста-
вила самовар, я б много
успел побеседовать с охотни-
ком. Вечером я собрался в
обратный путь. «До свидания,
Иван Михайлович! Будете в
столице — в гостинице не
останавливайтесь, прямо ко
мне». «Ну, бывай здоров!»
— сказал мне на прощанье
бесстрашный медвежатник.

Когда я принес готовый
очерк, редактор мне устроил
страшный разнос: «Кто же
теперь пишет таким язы-
ком?! Один из сыновей охот-
ника летает на быстролетном
ТУ-104... Вы что, слово
«лайнер» не слышали? Так
какого же дьявола не пишите
современным языком?!
Идите. И чтобы завтра утром
очерк был у меня на столе».

Ну, что ж. Переделать,
так переделать. Окончатель-
ный вариант моего очерка
выглядел так.

«Шеф дал мне задание
съездить в Шварцвальд, к
знаменитому егерю Морозову.
Опять мой уикенд пропал,

таменты. Знакомьтесь, это
моя жена, а по современно-
му сказать — мадонна, а это
моя внучка Маша, ну мы
по-домашнему кличем Мэри».

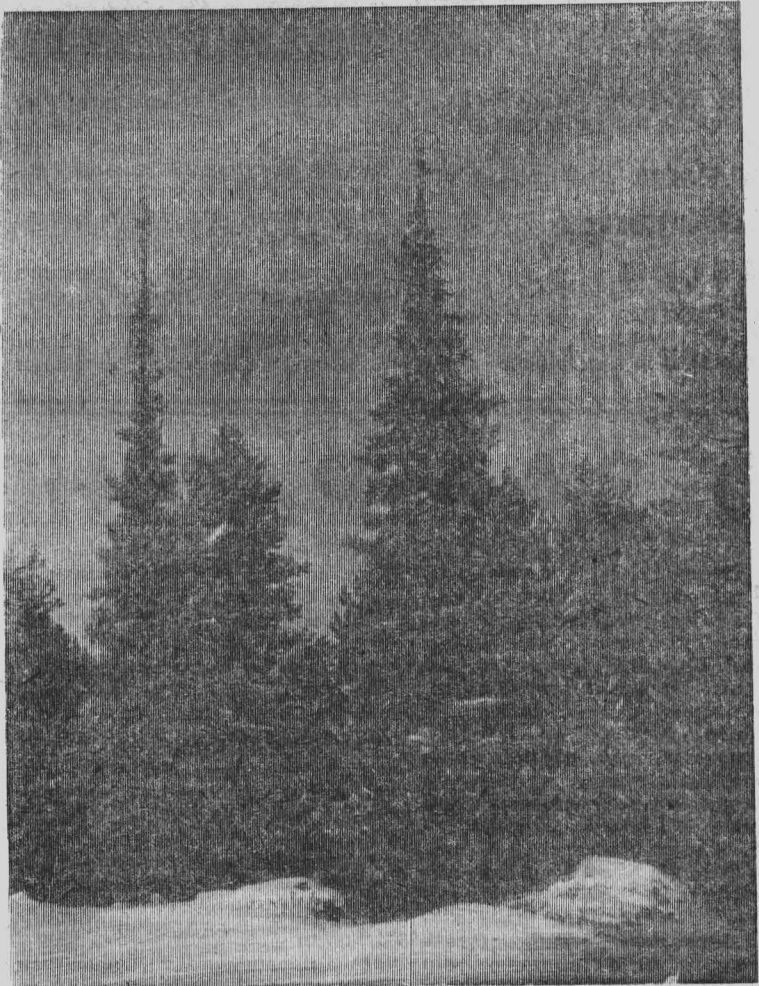
Ко мне подошла де-
вочка лет трех, в мини-юб-
ке. «Мать, организуй сер-
вис», — обратился егерь к
своей жене, а потом сказал
мне: «Давайте продолжим
наш диалог. Вы спрашиваете,
не скучно ли мне здесь в ле-
су. Нет, что вы. У меня,
знаете ли, свое хобби есть.
Собираю гербарии. А сейчас
вот с музыкой живем, — и
он показал на 7-ламповый
батареиный супергетеродин.
— На симпозиуме егерей
подарили за перевыполнение
плана. Я-то не скучаю, а вот
жена иногда взгрустнет. Оно
и понятно. Дети выросли,
разъехались в разные края.
Старший сын летает на быст-
роходном лайнере, второй —
мэр областного города, са-
мый младший — спортсмен.
Такие пенальти заколачивает!
Дочь выбрали депутатом в
местный парламент. Вот та-
кая се ля ви», — добавил
он с легкой грустью.

Я покидал коттедж старого

егеря с чувством восхищения
перед этим человеком. На
каком изысканном языке изъ-
ясняется егерь! Откуда он
черпает языковые обороты и
разные иностранные выраже-
ния? Когда я спросил об
этом, старый охотник удив-
ленно переспросил: «Как от-
куда?! Из газет и журналов.
Пресса информирует». «Боль-
шое вам спасибо, Иван Ми-
хайлович. До свидания! Если
будете с деловым визитом в
метрополи, в отеле не оста-
навливайтесь, а прямо ко
мне». И дал ему свой адрес.
Старый егерь крепко пожал
мне руку и прогудел низким
басом: «Чао!»

«Ну, вот видите, —
одобрительно хмыкнул редак-
тор. — Очерк что надо. Только
в отношении Шварцвальда вы
немножко перегнули. Пусть
Черный Бор так и останется
Черным Бором, а то читатели
будут теряться в догадках».

А с сегодняшнего дня я
решил подписывать свои
очерки фамилией Ликокк
(прошу не путать с юмори-
стом Ликокком). «Ликокк» —
это перевод с французского
моей фамилии — Петухов.

В морозной свежести
земля,
И шуба в бисере на ней.
Зима спешит, снежком
пыля,
Под стук копыт,
под скрип саней,

Фотоэтиюд Ю. Филатова.